

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012. Суд не несет ответственность за содержание настоящего краткого изложения. Более подробная информация содержится в полном указании об авторских правах в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда
N 105

Февраль 2008 года

Кафкарис против Кипра [Kafkaris v. Cyprus] (жалоба N 21906/04)

Постановление от 12 февраля 2008 г. [Большая Палата]

Статья 3

Унижающее достоинство обращение

Бесчеловечное обращение

Обязательное пожизненное лишение свободы без перспективы освобождения за хорошее поведение после внесения изменений в законодательство.

Положения Конвенции не нарушены.

Статья 7

Статья 7-1

Нет преступления без предусматривающего его закона (Nullum crimen sine lege)

Противоречащие друг другу законодательные положения, касающиеся содержания пожизненного тюремного заключения для целей установления права на досрочное освобождение. *Допущено нарушение.*

Изменение закона о досрочном освобождении за хорошее поведение в случае осужденного к пожизненному заключению, который был с самого начала проинформирован судом первой инстанции о том, что его наказание означает пожизненное лишение свободы. *Положения Конвенции не нарушены.*

Факты

В 1989 году заявитель был признан виновным по трем пунктам обвинения в преднамеренном убийстве и был осужден к обязательному пожизненному тюремному заключению по Уголовному кодексу. В соответствующее время Тюремные (Общие) правила, с изменениями предписывали, что осужденные к пожизненному лишению свободы, имели право на снижение части их наказания до четверти назначенного срока. Для этой цели пожизненное заключение определялось как тюремное заключение сроком на двадцать лет. На заседании, посвященном назначению наказания по делу заявителя,

государственный обвинитель попросил суд, рассматривавший уголовное дело, пояснить, подразумевало ли пожизненное заключение в деле заявителя лишение свободы на всю жизнь или на период двадцати лет, упомянутый в тюремных правилах, поскольку в последнем случае сторона обвинения хотела ходатайствовать о последовательном отбытии наказаний. Суд постановил, что термин означал тюремное заключение на всю оставшуюся жизнь лица, в отношении которого вынесен приговор. Однако, по его прибытии в тюрьму заявитель был уведомлен администрацией тюрьмы о том, что при хорошем поведении он получит право на освобождение в 2002 году. Впоследствии Верховный суд постановил в другом деле, что правила, регулирующие снижение наказания, были неконституционными и принятыми с превышением полномочий, и было принято новое законодательство, которое не позволяло осужденным к пожизненному заключению подавать ходатайство о снижении срока наказания за хорошее поведение. Заявителя не освободили в день, о котором он был оповещен тюремной администрацией, и он обратился в Верховный суд за постановлением о защите от произвольного ареста. Однако, как его заявление, так и последующая жалоба были отклонены. Единственная перспектива на освобождение, на которую в настоящее время могут рассчитывать осужденные к пожизненному заключению на Кипре, следует из конституционных полномочий Президента по предоставлению отсрочки, сокращению или смягчению наказания по рекомендации Генерального прокурора или установленных законом полномочий давать распоряжение об условном освобождении с согласия последнего.

Вопросы права.

Статья 3. (а) *Длительность заключения*: В то время как перспектива освобождения для осужденных к пожизненному заключению на Кипре была ограниченной, это не означало, что пожизненные сроки заключения на Кипре не подлежали сокращению и не предполагали возможности освобождения. Напротив, такое наказание как юридически, так и фактически, могло быть снижено. Несколько заключенных, отбывавших обязательные пожизненные сроки заключения, были освобождены на основании конституционных полномочий Президента и осужденные к пожизненному заключению могли воспользоваться соответствующими положениями в любое время без необходимости отбытия минимального срока тюремного заключения. Соответственно, несмотря на то, что существовавшая процедура имела недостатки, и проводилось ее реформирование, заявитель не мог утверждать, что он был лишен любых перспектив освобождения или, что его продолжающееся заключение, хотя оно и было длительным, представляло собой бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

(b) *Заключение после даты, установленной тюремной администрацией*. Несмотря на то, что изменение применимого законодательства и последующий крах ожиданий заявителя на освобождение должны были причинить ему беспокойство, оно не достигло степени жестокости, которая требуется для применения статьи 3. Принимая во внимание хронологию событий, заявитель не мог обоснованно питать реальные надежды на освобождение в 2002 году, поскольку суд, рассматривавший уголовное дело, дал ясное определение характеру наказания, которое он применил, и соответствующие изменения в национальном законодательстве были сделаны примерно за шесть лет до даты освобождения, указанной тюремной администрацией. Следовательно, у заявителя должно было оставаться все меньше надежд на досрочное освобождение с тех пор, как стало ясно, что с внесением изменений в национальное законодательство, он должен был отбыть пожизненное заключение. В то время как пожизненное заключение

без установления минимального срока с неизбежностью вызывало беспокойство и неопределенность относительно жизни в тюрьме, это было присуще характеру вынесенного наказания и, принимая во внимание перспективы освобождения в существовавшей системе, не позволяло сделать вывод о бесчеловечном и унижающем достоинство обращении.

Постановление

Положения статьи 3 Конвенции не были нарушены (принято десятью голосами "за" и семью "против").

Статья 5 § 1. Суд, рассматривавший уголовное дело, достаточно ясно указал, что заявитель был приговорен к тюремному заключению сроком на всю оставшуюся жизнь, а не на двадцать лет. Последующие уведомления тюремной администрацией о дате досрочного освобождения не могло повлиять, и не повлияло на наказание и не сделало заключение заявителя после 2002 года незаконным.

Постановление

Положения статьи 5 § 1 Конвенции не были нарушены (принято шестнадцатью голосами "за" и одним "против").

Статья 7. (а) *Качество закона*: По вопросу доступности и предсказуемости Европейский Суд отмечает, что, хотя в то время, когда заявитель совершил преступление, Уголовный кодекс ясно устанавливал, что умышленное убийство влекло за собой пожизненное лишение свободы, также было очевидно, что, полагаясь на тюремные правила, исполнительные и административные органы исходили из того, что наказание равнялось двадцати годам тюремного заключения, и что все заключенные, включая осужденных к пожизненному заключению, имели право на сокращение наказания за хорошее поведение. Хотя Европейский Суд согласился с тем, что правила касались исполнения наказания – а не самого наказания – различие между содержанием пожизненного лишения свободы и способом его исполнения не было явно очевидным. Соответственно, в то время, когда заявитель совершил преступление, кипрское право как таковое не было сформулировано с достаточной точностью для того, чтобы дать заявителю возможность разграничить, при необходимости с помощью надлежащих консультаций, и в той степени, в которой это было разумно в тех обстоятельствах, содержание наказания в виде пожизненного тюремного заключения и способ его исполнения.

Постановление

Допущено нарушение статьи 7 Конвенции (принято пятнадцатью голосами "за" и двумя "против").

(b) *Придание обратной силы закону, устанавливающему более тяжкое наказание и утрата возможности на освобождение*. Европейский Суд не согласился с тем, что к заявителю был применен закон, устанавливающий более тяжкое наказание в ретроспективном порядке, поскольку, принимая во внимание материально-правовые нормы Уголовного кодекса, нельзя было утверждать, что в соответствующее время наказание в виде пожизненного лишения свободы равнялось двадцати годам тюремного заключения. Тот факт, что заявитель, являясь осужденным к пожизненному лишению свободы, более не имел права на снижение срока своего наказания, касался исполнения наказания, в отличие от "наказания", которое было к нему

применено, и которое оставалось пожизненным тюремным заключением. Несмотря на то, что изменение тюремного законодательства и условий освобождения могли сделать тюремное заключение заявителя фактически более суровым, они не могли толковаться как применяющие более тяжелое "наказание" чем то, которое было применено судом первой инстанции. Вопросы, касающиеся политики освобождения, способа ее осуществления и обоснования, стоящего за ней, являются составной частью уголовной политики, которая должна определяться на национальном уровне.

Постановление

Положения статьи 7 Конвенции не были нарушены (принято шестнадцатью голосами "за" и одним "против").

Статья 14, во взаимосвязи со статьями 3, 5 и 7. (а) *Предполагаемая дискриминация заявителя по отношению к осужденным к пожизненному заключению, которые были освобождены.* Соответствующие осужденные к пожизненному заключению лица были освобождены либо срок их заключения был снижен не на основании тюремных правил, а при осуществлении Президентом Республики своих дискреционных конституционных полномочий. Более того, в деле заявителя суд, рассматривавший уголовное дело, прямо указал на надлежащее толкование срока пожизненного заключения и назначил наказание в виде лишения свободы до конца жизни заявителя. Учитывая широкий спектр факторов, принимаемых во внимание при осуществлении дискреционных полномочий Президента, таких как характер преступления и доверие общества к системе уголовного правосудия, нельзя говорить о том, что осуществление таких дискреционных полномочий является проблемным с точки зрения статьи 14.

(b) *Предполагаемая дискриминация заявителя как осужденного к пожизненному лишению свободы, по отношению к другим осужденным.* Учитывая характер пожизненного лишения свободы, заявитель не мог утверждать о том, что он находился в аналогичном или существенно схожем положении по сравнению с другими заключенными, не отбывающими пожизненное лишение свободы.

Постановление

Положения статьи 14 Конвенции не были нарушены (принято шестнадцатью голосами "за" и одним "против").

Статья 41. Установление нарушения само по себе является справедливой компенсацией причиненного морального вреда.

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Суд не несет ответственность за содержание и качество настоящего перевода. Доступ к нему может быть получен через базу данных по прецедентной практике Европейского суда по правам человека HUDOC (<http://hudoc.echr.coe.int>) или любую другую базу данных, для использования в которой Суд его передал. Разрешается воспроизведение настоящего перевода в некоммерческих целях при условии указания полного наименования дела со ссылкой на авторские права. Для целей коммерческого использования любой части настоящего перевода, пожалуйста, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be

reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int